

ВЕРОНИКА СООЛЬ

13

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Вероника Сооль

13. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Сооль В.

13. Сборник рассказов / В. Сооль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747983-1

Не читай эти истории пред сном или будь готов к ночным кошмарам, ведь и в них есть особое удовольствие... Сборник рассказов «13» — для любителей острых ощущений, ценителей литературы в жанре ужасов, мистики (и немного постреализма).

ISBN 978-5-44-747983-1

© Сооль В.
© Издательские решения

Содержание

Шкатулка	6
1	6
2	9
Чертова любовь	11
1	11
2	14
3	17
Ангел-Хранитель	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

13
Сборник рассказов
Вероника Сооль

© Вероника Сооль, 2016

© Илья Горнов, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шкатулка

1

– Да, да, конечно, я тебя слушаю. Просто здесь шумно. Я в метро. Что? Тебя надо помыть? Когда воду отключат? Завтра? Что? Шампунь из крапивы? Хорошо. Я все поняла. Приеду сегодня. Бабушка, перестань. Когда такое было? Если я говорю, что приеду, значит приеду. Все, до вечера. Пока. Бабушка, все, пока, – девушка устало вздохнула и спрятала телефон в карман.

Она поймала на себе любопытные взгляды людей, стоящих рядом и покраснела. Ксения была скромной и не любила привлекать к себе внимание, но, как назло, это происходило постоянно. И девушка начинала нервничать, она заливалась румянцем, а это её раздражало ещё больше.

Телефон в кармане снова зазвонил. Парень рядом с ней постарался сдержать улыбку, но не смог. Ксения смутилась и отвернулась, решила не отвечать на звонок. Подумала, что сама наберет бабушке, когда выйдет из метро.

У Ксении была редкая фамилия – Свирелька, и отчество замечательное – Соломоновна. Все вместе звучало оригинально, даже экзотично. Вот как раз это и мешало спокойно жить, начиная со школьной скамьи. Ярко-рыжие волосы и родинка над левым уголком губ тоже не разрешали быть незаметной и уютно сливаться с толпой.

Девушка вышла из метро, перезвонила своей бабушке Наде, еще раз подтвердила, что после учебы обязательно к ней приедет, и пошла через парк к университету.

Ксюша училась на втором курсе, на факультете биологии. Она обожала ботанику, с детства собирала каждое лето гербарий, а в девять лет на свой день рождения попросила в подарок микроскоп. Ксения бережно хранила открытку от отца, в которой он пожелал ей стать великим ученым. Девушка старалась это пожелание воплотить в жизнь – училась она на одни пятерки. В этом году она переехала в отдельную квартиру, которая досталась ей от тетки, и почувствовала себя совсем взрослой и самостоятельной.

В институте у неё было две подруги – пухленькая хохотушка Валька и серьезная кареглазая Инна. Девчонки любили собираться у Ксении, смотреть фильмы, обсуждать однокашников, преподавателей и студенческую жизнь. Этот вечер они тоже договорились провести вместе, но звонок бабушки все изменил и немного подпортил настроение.

После трех пар Ксения зашла в магазин, купила пакет кефира, двести грамм барбарисок, упаковку мятных пряников и шампунь с крапивой – все, как попросила баба Надя. Затем она доехала на автобусе до нужной остановки и направилась к желтой пятиэтажке, перед которой жители дома сделали большую клумбу, на ней все ещё цвели осенние астры и какие-то мелкие цветочки с бархатными, толстенькими лепестками. Конец сентября радовал сухой, теплой погодой. Пахло осенней листвой, дышалось легко. Девушка присела на скамейку у подъезда, ей совсем не хотелось идти к бабушке. Она поставила рядом с собой пакет с продуктами и стала рассматривать голубей, которые мочили в луже красные лапы. В этот момент снова зазвонил телефон.

– Ты где? Почему так долго? У меня через сорок минут начнется сериал! А нужно ещё голову помыть. Или ты забыла?

– Да, здесь я, баба Надя. Уже пришла...

Баба Надя жила на втором этаже в двухкомнатной квартире. В её доме всегда пахло чем-то кислым, наверное, квашеной капустой, которую она очень любила, и нафталином – это от моли. В темном узком коридоре стоял старинный трельяж, но зеркал не было видно из-за нагромождения коробок, книг, толстых подшивок старых газет. В стены были вбиты штук двадцать толстых гвоздей, а на них висели сумки, пакеты, авоськи. Они нависали друг над другом ярусами и в полумраке казались причудливыми наростами, как на старых деревьях в темном лесу.

Ксения сделал шаг в коридор и сразу обо что-то споткнулась. «Опять бабуля что-то при-тащила», – вздохнула девушка и осторожно, чтобы не упасть, пошла на свет, который горел на кухне.

– Ну, чем так противно пахнет? Что там у тебя за варево на этот раз? – сморщила нос Ксюша.

– Калину запарила. Для желудка полезна. Ты бы тоже поела, а то весь день всухомятку.

– Нет, спасибо.

Кухня тоже представляла собой склад. Посуды хватило бы на пять семей точно: кастрюли и сковородки всевозможных размеров, полки с чайными сервизами, баночки и коробочки, а ещё плетеные панно с сухими цветами. На окне была плотная занавеска грязно-желтого цвета, которая никогда не открывалась. Да, в этом и не было смысла, так как подоконник тоже был завален вещами. Эта квартира десятилетиями не знала солнечного света и свежего воздуха.

– Бабушка, может проветрим кухню, а то дышать нечем, правда.

– Нет. Ты же знаешь, как я легко простываю, тем более, сейчас буду мыться, – ответила баба Надя и недовольно поджала сухие губы.

– А что у тебя в коридоре на полу лежит, что пройти невозможно?

– Это чемодан. Мне его от родственника привезли вчера.

– Какого родственника? – удивилась внучка. Она хорошо знала всех родственников, их было совсем немного.

– Что ты пристала ко мне, как, извини, банный лист к одному месту... – бабушка облокотилась на стол и начала медленно подниматься. Она с трудом ходила – очень болели ноги. – Помоги мне! Пойдем в ванную, а то сериал сейчас начнется. Там знаешь про женщину-врача, как она спасает всех. Интересный фильм такой...

– Баба Надя! Ты не хочешь отвечать на мой вопрос – так и скажи. Зачем грубить и переводить разговор.

– Это чемодан Матвея.

– Какого Матвея?

– Брата моего.

– Да? А я думала, он пропал без вести, давно ещё... – девушка сделала большие глаза и удивленно подняла брови.

– Нет. Помер он месяц назад.

– А почему я ничего о нем не знаю, никогда его не видела? – растеряно спросила Ксения.

– Да, потому что в психушке он лежал, где маньяков держат. Думаешь, хочется об этом рассказывать?! – бабушка, наконец, уверенно встала на ноги и сердито посмотрела на внучку. – Ну, мыться-то будем сегодня? Или у нас вечер душевных разговоров?

А Ксения Свирелька стояла с открытым ртом, она не могла поверить в слова бабы Нади, но понимала, что та не шутит.

Девушка помогла своей бабушке залезть в ванну и помыться. Она несколько раз попыталась задать вопросы о деде Матвее, но в ответ получала или холодное молчание, или колкие замечания про свой длинный любопытный нос.

Наконец купание было закончено, и бабушка в теплом махровом халате, с полотенцем на голове, опираясь на руку внучки, прошла в свою комнату. Она улеглась на кровать, включила телевизор и стала смотреть сериал. Ксения её звонко поцеловала, пообещала, что позвонит, как доберется и начала собираться домой.

Квартира бабы Нади пугала, казалось, что вещи здесь живут своей жизнью. Вот большая кукла смотрела одним голубым глазом с полки шифоньера, она выглядывала из-за приоткрытой дверцы, словно спрашивала «кто там?». В углу стоял торшер с трещиной на плафоне, если его включить, то он начинал нервно мигать, издавая странное жужжание. Искусственные цветы в вазе из мутного стекла покрылись толстым слоем пыли и наводили на мысли о кладбище. А сегодня ещё этот чемодан в коридоре – посылка от умершего деда-маньяка... Ксения хотела перешагнуть через чемодан, но опять неловко запнулась и выругалась. Она уже открыла замок и взялась за дверную ручку, как в голове родился вопрос: «А что в нем, в этом чемодане?»

2

«Какая, ты, красивая... Такая изящная. Кто же и когда тебя сделал? Какой искусный мастер постарался? А теперь ты – моя...» – Ксения уже второй час держала в руках шкатулку. Она нежно прикасалась к гладкой поверхности крышки, рассматривала каждую завитушку, которыми была украшена эта старинная вещь, любовно трогала красный бархат, покрывающий дно. Она закрывала и снова открывала шкатулку, чтобы услышать завораживающую мелодию, такую простую, но очень красивую. «Ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла...» – шепотом подпевала девушка и снова крутила маленький ключик. Она уже в сотый раз заводила шкатулку и совсем забыла о времени, делах – да, обо все вообще забыла. Звонок телефона вернул её в реальность.

– Ой, бабушка, извини! Конечно, я уже дома. Все со мной в порядке. Просто забыла тебе позвонить. Спокойной ночи! – Ксения удивленно посмотрела на часы и пошла ложиться спать. Шкатулку, которую она вытащила тайком из чемодана деда Матвея, девушка положила рядом с собой на подушку и, засыпая, тихонько пропела: «Ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла...».

Ксюше приснился удивительный сон, в котором она была в алом бархатном платье, украшенном завитушками, как на шкатулке. Она шла по городу, и люди преклонялись перед ней, восхищались её красотой и могуществом. Девушка чувствовала себя королевой – сильной и властной. Она благосклонно кивала мужчинам и женщинам, которые смотрели на неё с восторгом и обожанием, и величественно шла дальше...

Сон прервал звонок будильника. Студентка недовольно поморщилась, так не хотелось просыпаться и расставаться с чувством величия и мягким алым платьем, но нужно было ехать на учебу, к первой паре. Быстро собравшись, она вышла на улицу и, сделав шаг, остановилась. В голове прозвучало: «А шкатулку, почему не взяла?» Девушка растерялась от этого вопроса, было ощущение, что голос чужой – холодный и резкий. Сначала она хотела пойти дальше, но не смогла: мысль, что надо вернуться и забрать старинную вещицу, ударила в висок электрическим током. Ксения Свирелька развернулась на каблуках и снова зашла в подъезд. Шкатулка, оказавшись в руках, с готовностью запела свою мелодию, девушка провела пальцем по красному бархату и удивилась, как же она сразу её не положила с собой в сумку.

В автобусе она прижимала сумку к животу и чувствовала каждую завитушку своей шкатулки, на губах блуждала улыбка, а в голове продолжала играть музыка: «Ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла, пам-пам, ла-ла-ла...». Она даже в такт покачивала головой, а ещё вспомнился сон, в котором она – настоящая королева...

– Девушка! Уже в третий раз вас спрашиваю! Вы будете выходить? – раздался ворчливый голос, и кто-то толкнул Ксению в бок.

– Что? А, да, извините... – ответила девушка, вздрогнув.

– Вы, что уснули что ли? – презрительно усмехнулась женщина.

Ксения встретилась с ней глазами, и её захлестнуло желание сказать что-то в ответ. Девушка не успела ничего подумать, как неожиданно услышала свой собственный голос:

– Это ты сейчас уснешь. Только навсегда. Врежу так – на месте сдохнешь, – угроза прозвучала громко и резко.

Пассажиры начали оборачиваться и с удивлением смотреть на рыжеволосую, хрупкую студентку, которая покраснела и начала извиняться. Женщина же отступила назад и воскликнула:

– Она – сумасшедшая! Осторожнее! Смотрите, что-то в сумке прячет, может это нож...

Ксения выскочила из автобуса и побежала, по её лицу текли слезы, а в голове снова заиграла мелодия, но на этот раз со словами:

«Острый нож, да, да...
Я воткну в тебя,
Ты заснешь тогда
Навсегда, навсегда...»

В институте она в этот день не появилась.

Ксения не помнила, как она добралась обратно домой и зашла в квартиру. Девушка пришла в себя, когда сидела на полу в темной комнате. В руках у неё была шкатулка. Она услышала, как кто-то очень настойчиво звонит в дверь. Ксюша медленно встала, осмотрелась по сторонам и решила не открывать. Она подошла к двери и стала слушать, когда непрошенный гость уйдет. Вскоре раздался звук удаляющихся шагов. Девушка облегченно вздохнула, подождала ещё немного и зажгла свет. Очень сильно болела голова, и во рту был привкус железа. «Наверное, давление скачет», – сказала она тихо и подошла к зеркалу. На неё смотрело бледное лицо с большими тревожными глазами, а уголки губ слегка подрагивали, и получалась странная полуулыбка. «Это шкатулка. Меня сводит с ума шкатулка!» – вдруг выкрикнула своему отражению Ксюша и бросилась в комнату. Она схватила изящную вещицу, подбежала к окну, одним быстрым движением открыла створку и замерла. Голос. В голове снова раздался этот ледяной и повелительный голос: «Стой. Ты – алая королева, проливающая кровь. Разве ты можешь от этого отказаться? В твоих руках власть. В твоих руках жизнь и смерть».

В этот момент снова раздался звонок в дверь. Ксения Свирелька медленно повернулась, высоко подняла голову и плавно, величественно пошла на кухню за ножом. «Я – королева. В моих руках смерть», – сказала она спокойно и открыла дверь, крепко сжимая в ладони деревянную ручку с острым широким лезвием. На пороге стояла Валька:

– Ты че не пришла сегодня? И на телефон не отвечаешь?

В ответ Ксюша тихо пропела:

«Острый нож, да, да...
Я воткну в тебя...»

Это было последнее, что услышала её подруга.

Чертова любовь

1

– Слушай, Натаха, ты заколебала уже! Ну, сколько можно вздыхать и ныть. Может, хватит уже. А?!

– Тебе хорошо – тебе на всех наплевать! Только и знаешь, что по клубам бегаешь. А у меня может быть все серьезно. В первый раз со мной такое. Понимаешь? – Наташа выразительно посмотрела на подругу, засопела и часто заморгала серо-зелеными с коричневыми пестринками глазами. Её лицо в этот момент приобрело ещё большую детскую припухлость и наивность. Щеки покрылись яркими розовыми пятнами, которые закрасили милые веснушки, а губы задрожали.

– Э-э-э! Ты что? Ревешь, что ли собралась? Совсем с ума сошла со своей любовью?! – воскликнула Людмила и озадачено почесала нос. – А давай... Давай, я тебе свои красные сапоги дам?!

– Господи, ну причем тут твои сапоги? Ты совсем на шмотках помешалась! – Наташа закрыла лицо ладонями и затрясла плечами от глухих рыданий. – Он такой... Понимаешь, он такой утонченный, что ли... А я – никто! – проговорила сквозь слезы девушка, вскочила с кровати и выбежала из комнаты.

Людмила вздохнула, подошла к круглому зеркалу на двери, посмотрела внимательно себе в глаза и произнесла шепотом: «Как хорошо, Людочка, что ты не страдаешь всякой ерундой! А то плакала бы изо всяких дураков. Ну, её нафиг эту чертову любовь». Затем она послала своему отражению воздушный поцелуй и пошла уговаривать Наташу выйти из ванной, из которой доносились рыдания.

– Натаха, у меня дома есть шампусик. Пойдем, посидим, подумаем, что делать с этой твоей любовью... А? – Люда поскребла дверь длинными красными ногтями. – Ну, давай уже выходи...

Открылась дверь ванной, заплаканная Наташа вымученно улыбнулась подруге. Она успокоилась, только все ещё громко швыркала вздернутым носом, похожим на уточку, и прищуривала красные от слез глаза.

– Даже ты меня не понимаешь, Людка. Вот как мне жить? А?

– Дурочка, ты. Как ей жить?! Дай, я тебя обниму, – угловатая Людка, неуклюже попыталась обнять свою подругу.

– Да, ну тебя. Убери свои грабли! Ещё я с тобой не обнималась... – Наташа оттолкнула от себя подругу и пошла одеваться.

Наташа и Люда дружили с первого класса, а сейчас вместе учились в институте финансов. Наташа – маленькая, крепенькая, как грибочек на толстой ножке, а Люда – высокая и худая, напоминала жердь. Смотрелись они рядом забавно, в школе их прозвали «смешная парочка». Но девчонки не обращали внимания на эти шутки, их дружба была прочной, проверенной годами и разными ситуациями. В школе обе учились средне. Людка не знала, куда пойти поступать и решила, что пойдет в тот же институт, который выберет подруга. А Наташин выбор определили родители. Так все и решилось. «Надо, доча, идти на экономиста учиться – это и престижно, и ты всегда – в деловом костюме, да с маникюром. Не то, что мы с твоим отцом – вечно взмыленные, да перебиваемся с копейки на копейку», – говорила Наталии мать, представляя свою дочку успешной и богатой. Девушка спорить не стала – родителей надо уважать и слу-

шаться, хотя гораздо ближе её сердцу была кулинария. Умела Наталья такие торты и пирожные стряпать, что закачаешься. Вот и к Людке она захватила с собой эклеры с нежным кремом.

– М-м-м, вот умеешь ведь такую вкуснотищу делать! Накорми своего Серегу, сразу влюбится! – воскликнула Люда, слизывая с пальцев сливочный крем.

– Эх, если бы так просто... – вздохнула Наташа и снова загрустила.

– Я серьезно! Пригласи его сама на свидание.

– Да, не смотрит он на меня. Ты же сама знаешь.

– Ха! Ну и что? Ты все равно пригласи, вот и посмотрит! – звонко стукнула ладонью по столу подруга. – Давай, за это выпьем!

– Давай, – тихо ответила Наташа и сделала большой глоток шампанского. Напиток приятно защипал язык, и теплом разлился в груди. Снова накатило на Наталью горе, глаза опять покраснели, а горло сдавили подступающие слезы.

– Да, что же ты будешь делать! – рассердилась Людка. – Гад – твой Сережка, раз ты так из-за него страдаешь!

– Не, он не гад... Он...

– Принц на белом коне! – язвительно продолжила подруга.

– Да, – серьезно ответила Наташа, и слезы побежали по её лицу в три ручья.

– Так, все. Завтра пригласишь его в гости. Постряпаешь торт. Он просто обалдеет! – уверенно сказала Людка.

– Я могу в три яруса сделать, с белым шоколадом и свежими ягодами...

– И котлеты пожарь!

– Котлеты? – удивилась Наташа и даже перестала плакать.

– Ну... Он же мужик все-таки. Или не надо котлеты? Я подумаю.

Вот уже двадцать минут Людка напряженно наблюдала за своей подругой. Наташа переступала с ноги на ногу, с тоскою смотрела в сторону Сергея, окруженного, как обычно бойкими девушками, её лицо было покрыто ярким румянцем, а пальцы уже в сотый раз застегивали и снова расстегивали пуговицы на толстой вязанной кофте. Наташа вздыхала, делала шаг в сторону своего возлюбленного, потом замирала и снова пятилась назад.

– Господи, да иди ты уже! Сколько можно так топтаться на месте? Вот дурында... Надо было все-таки красные сапоги надеть на неё что ли. И котомка у неё в руках какая-то допотопная – разве это сумка? – Позор, а не сумка... Эх, Наташа, Наташа... – сказала сама себе Людмила и стала рассматривать Сергея.

Парень громко хохотал, так и рассыпался шутками, и девушки в ответ заливались колокольчиками, успевая кокетливо поправлять волосы и хлопать длинными ресницами. Красивый все-таки этот Серега: высокий, кареглазый, плечи широкие и танцами бальными занимается, одет всегда модно. «Ничего у неё не получится», – снова вслух заговорила Люда и увидела, как Наташа, набрав в грудь воздуха, чеканя шаг, на негнущихся ногах, с лицом полным решимости, пошла, наконец, в сторону молодого человека. И в этот момент стало понятно Людмиле, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Наташка, стой! Иди сюда! – крикнула она подруге и побежала её останавливать. И в этот же момент раздался голос Сергея:

– Что вы там девчонки замышляете? Ходите все вдвоем. Общество друг друга предпочитает? А? – спросил парень и засмеялся своей шутке, девушки рядом с ним его поддержали и тоже стали острить на тему женской дружбы. – Если надумаете сменить ориентацию, приходите, помогу! – продолжал упражняться в остроумии Сергей.

– И че? Тебе этот дурачок нравится? – шепнула на ухо растерявшейся подруге Людмила и бросила на Сергея взгляд, полный презрения.

– Я его люблю...

– Тихо, ты, дура! Ещё прям здесь начни в любви признаваться...

2

– Вот, смотри, что у меня есть! – Людмила достала из кармана руку, раскрыла влажную ладонь, на которой лежал мятый клочок бумаги. Она торжественно протянула его подруге, было видно, что девушка гордится собой.

– Что это? – с недоумением спросила Наташа.

– Это, моя дорогая, твой билет в счастливую семейную жизнь!

– Что?

– Ты же хочешь замуж за Серегу?

– Ну, да... – зрачки Наташиных глаз моментально расширились.

– Вот и выйдешь! – Людмила победоносно взглянула на подругу, подбоченилась, задрала вверх острый подбородок и важно продолжила:

– Это адрес бабки. Знаешь, сколько трудов мне стоило его найти! Шарлатанок-то много, а настоящих бабок – днем с огнем не найдешь. Но, что не сделаешь для любимой подруги!

– А ты уверена, что это не шарлатанка?

– Уверена!

И Людмила рассказала, что её баба Валя устроилась работать санитаркой в отделение онкологии, где лежат люди с последней стадией рака. Их уже не оперируют и не лечат – скажут диагноз и выписывают домой умирать. А они, больные эти, все напрямик к этой бабке, а та их и вылечивает. Все лечит: и рак крови, и легких, и опухоли всякие...

– Я-то тут причем? Я же не болею, – Наташа поежилась от рассказа подруги.

– Ну, если она людей с того света вытаскивает, то приворожить твоего Серегу уж точно сможет! – уверено ответила Людка. – Мне, чтобы найти её адрес пришлось в эту больницу бежать, баба Валя меня провела, а я уж по палатам ходила, всех расспрашивала.

– Ну, ты, Людка, даешь...

– А там знаешь, как страшно? Кто ревет, кто лежит, отвернувшись к стене, и мычит, а некоторые на меня кричали. Особенно тетка одна, кудрявая такая, – так вообще матерками... Давай, собирайся, поехали. Что я зря терпела все это? – и девушка пошла в коридор одеваться.

– Прямо сейчас поедem? – спросила Наташа с сомнением в голосе. Не чувствовала она энтузиазма подруги и даже испугалась.

– Да!

На краю Москвы есть частный сектор, улицы там странно переплетаются, дома расположены в совершенно хаотичном порядке. Сам черт ногу сломит, прежде чем найдет нужный адрес. Два часа там бродили девушки вдоль заборов, спрашивали у встречных дорогу, но люди, услышав вопрос, испуганно отводили глаза, пожимали плечами и убегали от них в противоположную сторону. Наконец попалась навстречу женщина, которая ответила:

– Вон туда, по тропинке идите, а за старым черным баракom свернете налево, там увидите лачугу с маленькими окнами. Забора нет – сразу дом. Сама оттуда иду... Ох, страшное место. Гиблое... Но что делать...

И пошла эта задумчивая женщина дальше, что-то бормоча себе под нос.

– Ты видела, какие у неё глаза? – спросила Наташа подругу.

– Глаза, как глаза. А что?

– Да, как будто пелена на них, и язык у неё заплетался... Может не пойдem, а?

– Как это не пойдem? Я так старалась для тебя, а ты... – Люда обижено поджала губы и отвернулась.

– Ладно, ладно, не обижайся. Пойдем, вон уже тропинку видно, – и Наташа примирительно толкнула в бок подругу и повела за сухое высокое дерево, за которым виднелась узкая дорожка.

Дом стоял, странно скособочившись на одну сторону, он глубоко врос в землю, из большой кирпичной трубы валил густой черный дым.

– Может там пожар? – спросила Наташа, удивлено показав рукой на клубы дыма, которые, не смотря на ветер, столбом поднимались в зимнее небо. – Может, не пойдем туда?

– Да, что ты за человек такой! Заладила одно и то же. Ну, и что, что дым черный. Может бабка печку натопила сырыми дровами, – Людка начала сердиться.

– А ты откуда знаешь про дрова? – удивилась Наташа.

– Да не знаю я ничего про дрова! – воскликнула подруга и раздраженно дернула плечом.

В этот момент дверь страшного дома открылась и в дверной проем с трудом протиснулась огромная расплывшаяся фигура – жирная бабка с одутловатым, лицом утопленницы, громко кряхтя, выплыла на крыльцо и внимательно посмотрела на девушек водянистыми бесцветными глазами.

– Че галдите, мешаете мне, – спросила она недовольным тоном.

Девушки замерли, от страха они прижались друг к другу, как два испуганных воробья.

– Ты, которая ростом с болотную кочку, иди сюда, – бабка повелительно поманила Наташу толстым, как сарделька, пальцем. Девушка покорно пошла в сторону кривого дома. – А ты, длинная, иди отсюда.

Людмила попятилась назад, она хотела что-то возразить, но ноги сами понесли её по тропинке, обратно за черный барак, потом на широкую улицу и через дорогу, на остановку. Очнулась Люда, когда добралась до своего дома, поднялась по лестнице и нажала кнопку лифта. Ужас острым ножом вошел в спину, на уровне лопаток. Девушке стало нечем дышать, она несколько раз беспомощно открыла рот и медленно, опираясь на стену подъезда, добралась до своей квартиры. Дома Людка упала на кровать и проспала до следующего утра.

Проснувшись, она схватила телефон и начала звонить подруге, но та не отвечала. Люда побежала к ней домой, но и там никого не нашла. Девушку начало трясти. Она прижалась спиной к Наташиной двери и заплакала.

Как во сне она снова добиралась по знакомому маршруту: остановка, переход через дорогу, частный сектор, тропинка, черный барак и снова скособоченный дом с грязными окнами... И снова, как в прошлый раз, открылась дверь и бабка недовольно посмотрела на девушку:

– Ты тупая что ли? Я же тебе сказала, иди отсюда!

От страха у Люды задрожали колени, ноги подогнулись, и она нелепо раскинув длинные руки, упала на снег.

– Где Наташа? – прошептала девушка и попыталась подняться.

Бабка мерзко улыбнулась, растянув дряблые губы, между которыми показались грязно-розовые рыхлые десны без зубов и пропыхтела:

– Вставай, заходи в дом, раз такая упрямая.

Под тяжелым взглядом бабки каждое движение Людмиле давалась с невероятным трудом. Шатаясь, как пьяная, она поднялась на крыльцо и переступила порог кривого дома. Спертый воздух казался густым. Людмила не поняла – то ли это на её глаза прилипла какая-то серая пелена, то ли в тесном помещении стоял туман. Запах сырости, пота и чего-то тухлого вызывал тошноту и головную боль. Девушка оглянулась по сторонам и увидела в углу за печкой Наташу. Она сидела на низенькой табуретке, аккуратно сложив маленькие ручки на колени, и улыбалась. По её лицу прыгали тени от огня, который было видно через приоткрытую дверцу большой, разгоряченной печи. Наташа смотрела прямо перед собой и не шевелилась.

– Натаха, ты че? Ты че тут сидишь? – спросила Люда дрожащим голосом.

– Земелька кладбищенская навсегда обвенчает нас... – прошептала Наташа и медленно перевела взгляд на подругу. Потом она начала царапать себя ногтями по лицу, приговаривая, – вот так, вот так, свидетели в саванах нас благословят... вот так, вот так... навсегда благословят...

На её щеках оставались царапины и черные разводы. Под ногтями девушки была земля, а на запястьях намотаны нитки с каплями воска.

Как раскат грома послышался хохот бабки. Людмила увидела, как она вся затряслась, заколыхалась от смеха, выпучив глаза.

– Забирай свою дуру и проваливай! – сквозь смех прохрипела бабка и захлопала себя по жирным ляжкам. – Ой, не могу! Вот же мне черти послали развлечение! Любовь навсегда захотела! Получай свою чертову любовь! – кричала старуха, вытирая со лба капли пота ладонью, похожей на замусоленную подушку.

Людка схватила подругу и потащила её к выходу. Наташа продолжала глупо улыбаться и шептать какой-то жуткий бред.

3

Выполнила бабка то, что попросила Наташа – приворожила она Сергея. Стал парень ходить за девушкой, как преданный пес и с тоской заглядывать в глаза. Порой выходит Наташа утром из подъезда, а вот и он – сидит на лавке, ссутулившись, смотрит в одну точку и беззвучно шевелит губами. Изменился Серега – не узнать. Ничего не осталось от его обаяния, разучился смеяться и одеваться стал как-то неряшливо. Но Наташа не замечала этого. Она была счастлива, и даже казалось начала забывать о том кошмаре, который пережила в доме у бабки. Сбылась девичья мечта – пришла в её жизнь любовь.

Смотрела на все это Людка и переживала, разъедало её душу чувство вины. Удивлялась девушка, как же её подруга не замечает, что ничего-то не осталось от прежнего Сереги, словно душу из него вынули, одна пустая оболочка. Но ничего не говорила Людмила, да и не о чем стало разговаривать – боялись девушки коснуться страшной тайны, стали избегать встреч.

Через полгода Наташа пригласила Люду на свадьбу. Сказала она об этом напряженно, смотрела в сторону, чтобы глазами не встречаться и в конце добавила: «если не сможешь прийти, я не обижусь...» Людка и не пошла.

А ещё через полгода случилась трагедия – погиб Серега. Выбросился из окна или выпал – никто не знает. Один он был в квартире и никакой записки не оставил. Лето стояло, жара. Может на подоконник сел покурить, да упал, а может решил освободиться от этой чертовой любви, да не получилось...

На сороковой день после похорон вернулся Серега к жене. Сел рядом на кровать и вздохнул. Наташа проснулась, открыла глаза, а рядом он – возлюбленный, почти как живой, только не живой. Завизжала она, выскочила из квартиры и побежала на улицу. Бежит, оглядывается, боится, что он за ней гонится. Но нет никого. Успокоилась девушка, села на лавку отдышаться и чувствует кто-то за спиной стоит, поворачивается – опять Серега и смотрит на неё так грустно, как тогда на лавке, и губами так же шевелит, а что говорит – не разобрать. Наташа зажмурилась, посчитала до ста, открыла глаза – а Серега уже рядом присел и в глаза заглядывает.

Вот и появился повод, чтобы подругам снова возобновить дружбу. Пришла Наташа к Людке и рассказала, все как есть, что ходит за ней по пятам мертвый муж, везде он: в лифте с ней едет, на кухне за столом сидит, спать рядом ложиться... Подумали-подумали девушки и решили снова к бабке сходить, попросить избавить Наташку от призрака.

Вот она тропинка, вот черный барак, а вот и дом кособокий. Дверь открылась, как год назад, и появилась жирная бабка, посмотрела на девушке недобро, нахмурилась:

– Ну, и че приперлись опять? Ещё и мертвяка с собой притащили...

– А как мне от него избавиться? – жалобно спросила Наташа и покосилась на Серёгу, который снова вздохнул, протяжно так, и зубами заскрипел.

– Никак, – коротко ответила бабка и отвернулась.

– Ну, пожалуйста... – заплакала Наташка.

– Сама просила «навсегда», вот и получай.

– Чертова любовь! – воскликнула Людка и погрозила в воздухе кулаком.

– Ага, – ответила бабка и закрыла дверь.

Ангел-Хранитель

Октябрь. Понедельник. Семь часов утра. Галя выходит из подъезда, натягивает повыше на подбородок теплый полосатый шарф, поправляет лямки рюкзака за спиной, вставляет наушники и бодрым шагом идет к остановке. В руке пакетик с розовыми кусками докторской колбасы – это для Машки. А Машка уже, наверное, сидит на посту, мечтательно смотрит на дорогу – ждет девушку с большими добрыми глазами, от которой так вкусно пахнет карамельками и молоком.

Галя и Машка – подруги. И не важно, что одна из них – бездомная старая собака, а другая – студентка педучилища. Дружат они второй год. Машка раньше не верила, что такое бывает – что может и ей встретиться человек, который не бьет и не ругается, с ласковым голосом и теплыми руками. Почти хозяин. Живет ведь Машка на люке, рядом с овощным магазином. Зимой от него пар, и не так холодно, а летом – лежать удобно, да и привычно. «Подожди ещё немного. В следующем году закончу учебу, устраюсь на работу, сниму квартиру и заберу тебя. Подожди, Машка, ладно?» – каждый день говорит Галя и гладит грязную, в колтунах собачью спину. А потом прижимается своим лбом к Машкиному лбу, замуривает глаза и что-то ещё шепчет про отчима-скотину, злую мать и порой плачет. Сердце Машки в ответ сжимается в маленький комочек, и начинает так стучать, что кажется, выскочит из старой собачей груди. В такие моменты она лижет девушке руки и просит не плакать. Вот такая у них дружба.

В этот осенний понедельник моросил дождь, лужи отражали серое небо и качали мелкими волнами опавшие листья. А Машки на привычном месте не оказалось. Так было впервые с тех пор, как Галя заметила эту худую рыжую собаку. Девушка растеряно посмотрела по сторонам, зачем то заглянула в пакет с колбасой и пошла дальше к маршрутке. Но на полпути остановилась. Тревога задрезжала, заскрипела внутри Гали, как ржавые шестеренки старых часов. Вернулась девушка к пустому люку, убедилась, что нет на нем Машки, потопталась несколько минут на одном месте, а потом свернула во двор – может собака где-то там спряталась от дождя, хотя маловероятно...

– Че псину свою блохастую ищешь? – услышала Галя за спиной противный голос.

– Да. Вы видели Машку? – спросила девушка пожилую женщину, которая сверлила её глазами и усмехалась.

– Сдохла, – ответила она, злорадно прищурился глаза.

– Как сдохла... – тихо проговорила Галя и почувствовала, как земля поплыла под её ногами.

– Эй, ты че? Сейчас грохнешься ведь! Дворник Машку твою утащил вон туда, к подвалу. Иди, посмотри, может, жива ещё...

Галя одними бледными губами повторила беззвучно последние слова «жива ещё...» и как во сне пошла к подвалу. Там, у стены, лежала Машка. Увидев свою подругу, она попыталась встать, но не смогла – завалилась на бок и виновато забила хвостом о мокрый холодный асфальт. Она словно извинялась, что не пришла на встречу, как обычно. Галя встала на колени, провела руками по худому телу собаки и почувствовала, что той больно от любого прикосновения. Машка закашляла, а потом открыла рот и выплюнула из себя розовую пену, «по цвету, как докторская» – успела подумать Галя и сморщиться от нелепого сравнения, как над ухом раздался все тот же противный голос:

– Отраву она сожрала на помойке. Она же помоишная, все жрет, что найдет. А там крыс дворник травил... Ты бы не трогала её, зараза ведь.

– Уходите! Отойдите от меня! Не говорите так. Это Машка, она... – девушка вскочила на ноги и закричала на женщину. Та сделала удивленные глаза и попятилась:

– Припадошная что ли? Это же бездомная собака... Че реветь-то?

По лицу Гали текли слезы, дрожащими руками она их вытирала, но из глаз текли все новые и новые – настоящими ручьями.

– Она... Она моя... подруга, – шепотом закончила фразу девушка и снова нагнулась к Машке, которая смотрела на неё уже остановившимся собачьим преданным взглядом. Умерла Машка.

Долго не могла прийти в себя Галина. Она и не знала, что бездомная собака так много места занимала в её душе. От горя заболела девушка, слегла с температурой. И в бреду увидела свою Машку, а может это был и не бред. Увидела широкое поле с яркой сочной травой, бежит по этому полю рыжая собака с глазами чайного цвета, а лучи летнего солнца глядят её по шелковистой спине. Машка лает – это она так смеется, и прыгает за пестрыми бабочками. Весело так, радостно. Проснулась Галя и заплакала, но на сердце стало легко, отпустила она свою Машку бегать по зеленому полю.

Пришла весна. Долгожданная весна. После суровой, молчаливой зимы она явилась праздником, светлым и теплым. Галя расцвела вместе с одуванчиками, которые смеялись от горячих солнечных лучей и стремились поскорее стать взрослыми – круглыми и пушистыми. Девушка прыгала через лужи на высоких звонких каблучках, в коротенькой юбчонке и бросала дерзкие взгляды на прохожих. Прибежала она домой – быстрая и счастливая, как чистый ручей, открыла окно, чтобы впустить в душную квартиру весну, распустила волосы и закружилась по квартире. Запела Галина во весь голос, так ей было хорошо, и почувствовала на себе тяжелый взгляд. Отчим. В дверях стоял пьяный дядя Слава. Галя увидела, как налились кровью его безумные глаза. Мужчина облизал шершавые губы и пошел, шатаясь, на свою падчерицу.

– Иди сюда, шалава, – промычал алкаш, спуская с себя помятые штаны.

Девушка замерла, испугано попятилась назад, но отступить было некуда – за её спиной стоял старый потертый диван. Отчим грубо толкнул её в грудь и навалился всем телом.

– Не надо, пожалуйста... – захныкала, как ребенок Галя, но это только подзадорило дядю Славу.

Он начал шарить по ней руками, пытаясь стащить с неё колготки. Страх сдавил девушке горло, Галина не могла из себя выдать ни звука, только скулила, как маленький щенок, упираясь в грудь пьяного кобеля.

– Заткнись, дура, а то хуже будет... – дыхнул на девушку перегаром насильник, и она замолчала, крепко закрыла глаза и приготовилась умереть от боли и отвращения.

По комнате пронесся ледяной ветер, створка окна с грохотом захлопнулась, и осколки стекла полетели на пол. Дядя Слава перестал кряхтеть и возиться, он испуганно оглянулся назад и закричал, неожиданно визгливым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.